

Сущность и назначение эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования предполагает, по образному выражению Е.Г. Таревой, «смещение с пьедестала» знаний, речевых умений, навыков, тем и сфер общения и т. п. Хотя следует признать, что усвоение системы языковых знаков и речевых функций позволяет сформировать умения соотносить эти средства с задачами и условиями коммуникации, организовывать речевое общение с учётом социальных норм поведения и целесообразности высказывания [2, с. 182].

Значение эмоций на занятиях по иностранному языку трудно переоценить поскольку именно эмоции позволяют сформировать межкультурную языковую личность. При этом важны как отрицательные эмоции, вызванные незнанием материала и боязнью допустить ошибки, так и положительные эмоции, возникающие в момент успеха.

Эмоционально-ценностный компонент иноязычного образования способствует формированию лингвокультурной личности обучающихся на всех уровнях обучения. Это происходит за счёт тесной связи эмоционально-ценностной и интеллектуальной сфер личности на основе многоуровневой модели обучения, адаптированной к различным этапам овладения обучающимися иноязычным речевым общением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Татаринова, М. Н. Эмоционально-ценностный компонент содержания иноязычного образования с позиций системно-структурного и структурно-функционального подходов: монография. – Киров: Научное изд-во ВятГУ, 2016. – 121 с.

2. Тарева Е. Г. Коммуникативный подход vs межкультурный подход в обучении иностранным языкам // Актуальные проблемы совершенствования преподавания иностранных языков в свете личностно-деятельностной парадигмы: материалы III Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию ВятГГУ, г. Киров, 20-21 ноября 2014 года / [отв. ред. С. С. Кукулина]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – 262 с. – С. 181-185.

ЖУПИНСКАЯ А.В.

Республика Беларусь, Минск,
Минский государственный
лингвистический университет

ФАКТОР ДВОЙНОЙ АДРЕСОВАННОСТИ МЕДИЙНОГО ИНТЕРВЬЮ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВТОРЖЕНИЯ В ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Двойная адресованность медийных интервью, при которой второй адресат, признается более важным, чем непосредственный собеседник, позволяет рассматривать аудиторию как полноправного участника речевой ситуации интервью. Развитие интернет-коммуникации, в том числе распространение практики комментирования, стриминга, обзоров, видеореакций и под., существенно усилило влияние аудитории на поведение как журналистов, так и их собеседников.

Особое значение публичность коммуникации приобретает при обсуждении личных, традиционно рассматриваемых как закрытые сторон жизни человека, т.е. при реализации в ходе интервью стратегии вторжения в личное пространство отвечающего.

В частности, прямая апелляция к аудитории возможна в ходе применения такого приема, как **экспликация мотивировки вопроса**, который представляет собой вспомогательную тактику вторжения, способную облегчить спрашивающему и предварительную подготовку к вторжению, и настаивание на ответе, в случае получения отказа.

В русскоязычном интервью прямая апелляция обычно реализуется в эксплицитной форме, что предполагает использование соответствующих маркирующих лексем типа *люди*, *аудитория*, *публика* и др., а также неопределенно-личных конструкций, обозначающих обобщенного адресата:

– Ну как? Меня же **люди** сожрут, если я не спрошу, что у Чадова в личной жизни сейчас. Последнее, что мы читали, это какие-то фотографии с Мальдивов, по-моему, с какой-то девушкой. Больше ни слуху, ни духу нет об Алексее Чадове (А. Жигалова – А. Чадов);

– А любимый человек сейчас у тебя есть?

– Тож же бы не хотела на этот вопрос отвечать.

– Вот ты какая! Это то, что всегда **хотят узнать от артиста** и популярного человека (А. Жигалова – М. Зайцева).

При этом ссылка на запрос и желания аудитории при экспликации мотивировки вопроса может дополнительно служить приемом снятия ответственности за некорректное поведение, когда часть ее перекладывается либо на неопределенного субъекта (аудиторию в целом), либо конкретного зрителя:

– Есть целый ряд вопросов, связанных с неприятной темой, но все-таки я должен тебе задать. Причем я задаю тот, который пришел в наиболее грубой форме. Были более вежливые, но этот звучит так. **Это пишет Иосиф Чечельницкий:** “Как вы оцениваете события в Союзе кинематографистов России? Неужели ваш брат Никита Михалков, действительно, считает, что имеет право на пожизненную приватизацию Союза? Это позорище на весь мир” (В. Познер – А. Кончаловский).

В англоязычном интервью прямая апелляция к фактору двойного адресата при мотивировке вопроса чаще носит имплицитный характер. В этом случае предполагается инференциальная деятельность слушающего, а указание на интерес аудитории выводится, в частности, из фактов высокого заработка, публичной сферы деятельности интервьюируемого и др.:

– Yeah. Your mother is of Scottish ... Scottish by birth and you tell us here...

– I'd like to leave it out as much as possible.

– Well, **that's getting more and more difficult when you're going to be worth \$1 billion, you've gotta start answering some questions here** (P. Donahue – D. Trump);

– OK, so they see you at dinner with a girl. It's natural to assume. Therefore, someone would ask you.

– But I just never answer it. Because the truth is, because the secret to the idea of telling people anything about your private life is that you get to decide what it is you

want to divulge. They can see you, or talk about you, or do whatever you want, but your job is to try and find certain elements that you can hold on to that actually still belong to you.

– *Is it possible to have **truly a private life in your position?*** (L. King – G. Clooney).

В силу некорректного характера стратегии вторжения и наличия у интервьюируемого морального права не отвечать на такие вопросы журналист практически не может открыто оценить защитную реакцию собеседника как проявление некооперативности. Тем не менее в редких случаях интервьюер все же использует **указание на некорректность поведения интервьюируемого** как одну из вспомогательных тактик настаивания на ответе, в том числе прямо апеллируя к двойной адресованности и противодействию общественному интересу:

– *Вот эту тему ваших жен и всех вот этих вот историй с избиениями вы сводите к каким-то шуткам.*

– *Какие тут шутки, вы что? Какие шутки?*

– *Ну, вот вы увидите, **люди, которые посмотрят наше интервью, они будут писать**, что что ж он издевается, почему он ни разу за все интервью не сказал искренних слов, не сказал, не раскаялся в своих поступках, не обратился...* (А. Жигалова – М. Башаров).

В ряде случаев эксплицитно выраженный отказ журналиста от дальнейшего вторжения в личное пространство собеседника, в первую очередь в англоязычном интервью, производит на отвечающего интересный, по сути обратный эффект, вплоть до самофальсификации высказывания. Отказ от вторжения во многом в силу именно публичности коммуникации действует как тактика настаивания на ответе, вынуждая интервьюируемого чувствовать неловкость за отказ отвечать и в итоге дать содержательный ответ:

– *Что Вы считаете самым **главным своим недостатком?***

– *Вы уже заходите в такую зону...*

– ***Вы можете сказать «не отвечаю».***

– ***Да нет.** Я считаю, что у меня очень много недостатков. В частности, излишняя обидчивость, которую я скрываю, но которая у меня просто потом, так сказать... болит. **Это мой недостаток**, нельзя быть таким...* (В. Познер – А. Арбатов);

или применить более мягкую тактику защиты, имитирующую содержательный ответ:

– *Was it (romance) embarrassing?*

– *Oh, Larry, let's not talk about this, come on.*

– ***I'm not going to dwell on it.***

– *No, I know but I've talked about it. I think we've ... I've covered this. You know, I ... because it's so behind me. It's just not ... it's my past. I'm in a, you know, I'm here in a great place.*

– ***I'm not forcing you, hey.***

– *And I think, like I said... I'm very happy. I wear it with a badge of honor. Nothing I'm embarrassed about truthfully. It's life. Mine just happened to be played out in front of everybody but that's I guess, do you know what I mean?* (L. King – J. Aniston).

Таким образом, наиболее явно влияние фактора двойной адресованности наблюдается при реализации вспомогательных тактик подготовки вторжения и настаивания на ответе и может носить прямой или косвенный характер. Прямое влияние заключается в эксплицитном или имплицитном апеллировании к публике. При этом эксплицитная апелляция более типична для русскоязычного, а имплицитная – для англоязычного интервью. Косвенное влияние более часто в англоязычном интервью и предполагает подмену отказа от вторжения настаиванием на ответе.

ГУРИНОВИЧ Т.В., УЛЬЯНЕНКО И.А.

Республика Беларусь, Брест,
Брестский государственный
технический университет

ПРЕПОДАВАНИЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация

В данной статье освещено исследование преподавания второго иностранного языка студентам нелингвистического профиля как отдельной дисциплины, а не как одного из вариантов обучения иностранному языку в целом. Предметом исследования является обучение второму иностранному языку как части лингвистической подготовки студентов неязыковых направлений. Методом данного исследования является анализ сложившейся педагогической практики, основанный на наблюдениях авторов и на их личном опыте преподавания второго иностранного языка в вузе (БрГТУ). Целью исследования является выявление методических и организационных особенностей данного процесса, а также особенностей деятельности преподавателя с учётом специфики работы со студентами нелингвистического профиля. Основным выводом является следующее положение: преподавание второго иностранного языка в неязыковом вузе имеет определённые методические и организационные особенности, которые существенно отличаются от обучения первому иностранному языку.

Ключевые слова: вуз, обучение, второй иностранный язык, статус, имплицитный подход, мотивация, выбор, рынок труда, студенты нелингвистического профиля

Начало XXI века ознаменовано глобализацией экономики, интенсивным развитием телекоммуникационных технологий, ужесточившейся конкуренцией на рынке труда. Все эти факторы повлияли на возникновение необходимости обучения одному и более иностранным языкам студентов нелингвистического профиля. Лингвистическая подготовка как процесс отличается от лингвистического образования, то есть от обучения иностранным языкам будущих профессиональных лингвистов.